

Аполлон Григорьев

Человек будущего

Рассказ без начала и без конца, а в особенности без "морали"

Аполлон Григорьев. Воспоминания
Издание подготовил Б. Ф. Егоров
Серия "Литературные памятники"
Л., "Наука", 1980
OCR Бычков М.Н. mailto:bmnn@lib.ru

Посвящается А. А. Фету

I
ВСТРЕЧА

Был полдень. На Невском еще не мелькали обычные группы и лица. Все, что шло по нему, шло с особенною целию, и эта ли цель или довольно сильный мороз сообщали особенную скорость походке пешеходцев.

Один только человек не имел в это время определенной цели и шел по Невскому для того, чтобы идти по Невскому. Он вышел из кондитерской Излера, {1} довольно медленно сошел по ступеням чугунной лестницы, поднял бобровый воротник своего коричневого пальто, вероятно почувствовавши холод, надвинул почти на глаза шапку с меховою опушкою и, заложив руки в карманы, двинулся по направлению к Полицейскому мосту. {2}

Двинулся - сказал я, - потому что в самом деле было что-то произвольное в походке этого человека; без сознания и цели он шел, казалось повинуюсь какой-то внешней силе, сгорбясь, как бы под тяжестью, медленно, как поденщик, который идет на работу. Он был страшно худ и бледен, и его впалые черные глаза, которые одни почти видны были из-под шапки, только сверкали, а не глядели. Изредка, впрочем, останавливался он перед окнами магазинов, в которых выставлены были эстампы, и стоял тогда на одном месте долго, как человек, которому торопиться вовсе некуда, которому все равно, стоять или идти. Но и глядя на эстампы, он, казалось, не глядел на них, потому что на лице его не отражалось ни малейшей степени участия или интереса.

Во время одной из таких остановок двери магазина, перед окнами которого он стоял, отворились, и из них выпорхнула женщина, которое появление заставило бы всякого, кроме его, выйти из апатии. Черты лица ее были так тонки, цвет кожи так прозрачен, походка так воздушно-легка, что она могла бы показаться скорее светлую тенью, тончайшим паром, чем существом из плоти и костей, если бы яркие, необыкновенно яркие голубые глаза не глядели так быстро и живо, что в состоянии были бы, взглянувши на человека, заставить его потупиться. Она была одета легко и даже слишком легко, потому что все, что было на ней мехового, могло ее украшать, но уже вовсе не греть. Лицо ее было одно из тех немногих у нас лиц, которые, промелькнувши перед вами даже профилем, не выйдут из вашей памяти, потому что, кто бы вы ни были - старик, муж или юноша, они, эти лица, сольются для вас с первыми грезами детства, с первыми снами жизни; одно из тех лиц, на которых странно-гармонически сливаются и чистота младенческой молитвы, и первые грешные мечты, поднимающие грудь женщины, и детски-простая улыбка ангелов Рафаеля, и выражение лукаво-женского кокетства.

Она выпорхнула из магазина, как птичка, беззаботно и весело, как ребенок, которому купили игрушку, - но это движение в одну минуту и без резкого перехода сменилось у нее выражением до того строгим и холодным, что ее нельзя было узнать. Мига этой перемены вы бы не уловили. Вы могли сказать только, что перед вами выпорхнула птичка и что перед вами же стояла на ступенях лестницы прекрасная, но строгая фигура женщины, с ресницами, опущенными не от скромности, но от холодности, с нетерпеливым выражением на бледных и тонких устах, вероятно потому, что человек, который шел за нею с лестницы магазина и нес разные пачки, был слишком тяжел, чтобы следовать за ней шаг за шагом.

- Боже мой - наконец! - сказала она почти с досадою.

- Сию минуту, сударыня, - отвечал лакей. - Эй ты, подавай, - закричал он во все горло почти над ухом красавицы.

Она вздрогнула.